

Александр Родионов

НЕАКТУАЛЬНА

РОМАН О ТОМ, КАК СИСТЕМА УНИЧТОЖАЕТ ЖИВОЕ ЗНАНИЕ.
И О ТОМ, КАК ТРУДНО ОСТАТЬСЯ СОБОЙ,
КОГДА ВСЁ ТРЕБУЕТ ОТКАЗА ОТ СЕБЯ.

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДРАМА,
НАПИСАННАЯ МИКРОБИОЛОГОМ, КОТОРЫЙ ПРОШЁЛ ЧЕРЕЗ ЭТО САМ.

Александр Родионов

Неактуальна

«Автор»

2026

Родионов А.

Неактуальна / А. Родионов — «Автор», 2026

Александр, молодой микробиолог, поступает в аспирантуру в режимный институт, где хранится коллекция особо опасных штаммов. Но вместо науки он сталкивается с бюрократией, воровством и абсурдом: его работу присваивают, диссертацию блокируют, а самого отправляют полоть грядки. Единственные союзники — пожилая учёная Ветрякова и ведущий научный сотрудник Светлана, чья тихая любовь остаётся недосказанной. Это роман о том, как система уничтожает живое знание. О том, как трудно остаться собой, когда всё требует отказа от себя. И о том, что даже в безнадёжной ситуации есть выбор — не победить, но сохранить лицо. Производственная драма, написанная микробиологом, который прошёл через это сам. «Неактуальна» — честный, горький и светлый роман о выборе между «быть» и «казаться». О том, что настоящая победа — просто остаться собой.

© Родионов А., 2026

© Автор, 2026

Александр Родионов

Неактуальна

Глава 1. Дожливый день

Крупные капли промозглого осеннего дождя стальным звоном отдавались внутри металлического короба старой ржавеющей автобусной остановки. Александр стоял между разливающимися грязными лужами, капли от которых отлетали и пачкали его недорогие туфли, одетые им под стать единственного классического костюма, который он надевал только по важным случаям. А случай сегодня был как раз важный. После успешной сдачи вступительных экзаменов в аспирантуру вышеобозначенный молодой человек намеревался встретиться со своим будущим научным руководителем.

Поэтому, помня, что встречаются по одежке, он тем самым решил произвести при первой встрече наиболее благоприятное впечатление. Подъезжающий к остановке автобус лихо рассёк разливавшееся на дороге озеро, окатил тротуар фонтаном брызг и, как полагается, остановился в добрых полутора метрах от места высадки пассажиров. Шагнув одной ногой по лодыжку в холодную грязную лужу, Александр тихо, по-интеллигентски, делая вид, что ничего не произошло, выругался и запрыгнул в кабину.

Водитель автобуса, судя по всему, несложившийся гонщик, меряясь скоростью с легковыми автомобилями, понёс своих пассажиров в сторону горизонта. Смотря в запотевшее окно автобуса, Александр нервничал. Он представлял себе, как встретится с руководителем, который устроит ему новый экзамен, и будет задавать вопросы, ответы на которых он не знает. А потом объявит, что такой аспирант ему не нужен и откажется брать его на работу. Здесь автобус резко дёрнулся, затормозил, и все, кто ехал стоя, сгрудились в одну тесную, душную кучу.

Массивная немолодая женщина, нащупывая рукой где-то в воздухе, за что можно зацепиться, больно упёрлась сумкой в бок Александру. Громко и смачно выругавшись, водитель ещё раз дёрнул автобус и резким рывком начал набирать скорость так, что скопившаяся впереди кабины масса людей по инерции распределилась обратно назад. Александр выпрямился. Снова занял более или менее удобное положение и подумал, что может быть, оно и к лучшему. Может быть, сегодня, после пятнадцати позорных минут вопросов, всё закончится, и он поедет обратно домой к родителям, откуда уехал учиться на ветеринарного врача пять лет назад.

Форсировав уличные реки, растёкшиеся по дорогам из-за неработающей сливной канализации, преодолев на серьёзной скорости десяток поворотов, настала финишная прямая, за которой виднелась остановка, на которой будущему аспиранту следовало выходить. Остановка носила название «Научный городок» и являлась остановкой по требованию. Так что, чтобы выйти, необходимо было нажать на кнопку требования остановки, располагавшуюся на поручне у выхода из кабины автобуса.

Александр заблаговременно, как и полагается, приготовился к выходу, нажал на кнопку требования остановки и покорно ждал своей очереди на выход из болида автобуса. За окном шустро проплывали посаженные вдоль дороги берёзы, и шустрость эта с каждой секундой усиливала нарастающее беспокойство Александра. Беспокойство не столько за результат будущей встречи, и в данном случае даже не столько за неё, сколько за то остановится ли вообще автобус.

Повернув голову влево, проморгавшись и сфокусировав взгляд на довольной расплывающейся до ушей физиономии гонщика-водителя, оживлённо обсуждавшего что-то по телефону, опасения Александра достигли пиковой точки. Он снова нажал на кнопку требования остановки, увидел проплывающий в окне силуэт этой самой остановки, и из недр груди его от усталости и некоторой обиды за происходящее вырвался гневный, но в пределах приличий вопль: «Остановите!»

Но в силу оживлённости разговора водителя и шума дороги несостоявшийся пилот Формулы-1 проехал нужную остановку. Кругленькая женщина-кондуктор, одетая в красный беретик, проходя мимо, посмотрела на Александра поверх толстых очков и с укором заметила ему, что кнопка остановки здесь не работает. Нужно идти к ближайшей к водителю двери и нажать её там.

Просочившись сквозь сочные тела пользователей общественного транспорта, Александр пробрался к кабине водителя. Звонко постучав по стеклу и посмеявшись про себя о том, что отвлекает своим стуком пилота не только от вождения, но и, что вне всякого сомнения, гораздо важнее от увлекательнейшего телефонного разговора, Александр громко сказал: «Остановите автобус». Показывая при этом жестом, что хочет выйти, и на всякий случай ещё раз нажав на кнопку, уже на ту, которая, как сказала кондуктор, работает.

Как налетевшие посреди ясного неба грозовые тучи, лицо водителя стремительно преобразилось. Ещё секунду назад сияющая лучезарная улыбка превратилась в угрожающий первобытный оскал. Явно вернувшись из приятных грёз на грешную землю, несложившийся гонщик громко прорычал: «А что вы спите? Раньше надо было просыпаться!»

— Остановки не для красоты тут поставили! – рявкнул в ответ Александр.

Всем своим видом демонстрируя невыносимую муку, пилот болида дал по тормозам, чем снова привёл в хаотичное движение осевшие по автобусу твёрдые частицы пассажиров.

Удивительно, но среди этой ресуспендированной взвеси Александр явно расслышал чертыхание в свой адрес. Очевидно, некоторые пассажиры обвиняли его во вновь приобретённых после сегодняшней поездки расписных синяках. Автобус тем временем остановился на обочине трассы, выходящей из города и ведущей к близлежащим деревням. Александр выпрыгнул из него, последний раз окинув взором рекламу, помещённую на кузове автобуса, поправил сумку и бодро пошагал в обратном направлении.

Чтобы рассеять неприятные мысли, стенерированные произошедшим, Александр подумал: «До чего же этот водитель напоминал ему некогда существовавший вид — *Homo erectus*. Посмеялся про себя и, увидав, что дождь наконец кончился, поспешил к видневшемуся в полукилометре госучреждению за колючей проволокой. Тот самый институт. Похожий в его воображении на Хогвартс из саги Джоан Роулинг о Гарри Поттере, хотя, как потом выяснилось, больше похожий на НИИЧАВО из рассказа братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Что, однако, несколько не уменьшало в глазах Александра его значимости.

Миновав зелёный металлический забор, который представлял собой сетку-рабицу, натянутую на пару столбов поперёк въезда, Александр брёл вдоль дороги, по обе стороны от которой были густо посажены берёзы. Он невольно ускорил шаг, то ли для того, чтобы прийти вовремя, хотя он и так приехал раньше назначенного времени, то ли для того, чтобы убежать от волнительных мыслей, штурмовавших его голову. Через несколько минут, обогнув парковку, он зашагал внутрь административного здания.

Слева от входа располагался пост охраны, в котором восседал, явно с напускной серьёзностью, небольшой, но очень пухлый человечек. Человечек был облачён в чёрный костюм с надписью не то «Охрана», не то «Секьюрити» — почему-то оказавшимися очень модными в нашей стране. А на голове у него красовалась стрижка, напоминающая ирокез. На мгновение Александр подумал, что всё это не предвещает ничего хорошего, и его приключения по дороге сюда являются лишь прологом к основному действию.

Подойдя ближе к окошку будки, в которой сидел человечек, Александр прочёл надпись на его бейдже: «Николаев Никита Владиславович, охранник».

— Здравствуйте, — сказал Александр. — Меня зовут... — тут он запнулся, но быстро взял себя в руки. — Я пришёл на встречу со своим научным руководителем.

— Здравствуйте, — звонко проговорил охранник, и Александр заметил, что он уж очень бойко выговаривал звук «р» в своей речи. — Одну минуту.

Доблестный секьюрити поднял телефонную трубку, набрал несколько цифр и ожидал соединения с противоположным концом.

— Алло, Михаил Николаевич? Тут молодой человек пришёл. Говорит, что пришёл на встречу с научным руководителем. Ага. Как зовут руководителя? — спросил он Александра.

— Ветрякова Маргарита Арсентьевна, — ответил Александр.

— Ветрякова Маргарита Арсентьевна, — проговорил охранник в трубку. — Да, хорошо. Жду.

Повесив трубку, человек, как мы уже выяснили, Никита Владиславович, перевёл взор на Александра.

— Начальник охраны велел подождать. Он позвонит в лабораторию вашему руководителю и попросит её прийти и сопроводить вас.

— Хорошо, спасибо, — поблагодарил его Александр.

— Так вы, стало быть, устраиваетесь к нам на работу? — спросил охранник.

Александр успел набрать воздух в грудь, как его перебил телефонный звонок. Никита Владиславович взял трубку, сел ровнее, привёл своё лицо в более серьёзное выражение и принялся слушать.

— Пост охраны номер один. Да, хорошо.

И повесил трубку.

— Ветрякова сейчас в виварии. Как вернётся, ей сообщат, она заберёт вас.

— Хорошо, буду ждать.

— Так мы не договорили, — начал снова охранник. — На работу устраиваетесь?

— Хочу поступить в аспирантуру, — слегка подбадривая себя, ответил Александр. — Посмотреть, получится ли из меня научный сотрудник.

— Ну, это уж будет от вас зависеть, — сказал охранник и посмотрел на Александра с таким выражением, будто уже знал, что тот не справится. — Через меня уже столько таких поступающих прошло. Мы их тут учили-учили, а они потом все разъезжаются, кто куда, и в бизнесе работают. Наука нынче не в почёте.

Никита Владиславович закончил свою речь, закинул руки за голову и расширил глаза в всемогущей улыбке. Александр, вспомнив шутку, что вахтёр — второй человек в учреждении после директора, посмеялся про себя и улыбнулся в ответ.

Ждать пришлось не долго. Через пять минут у проходной появилась пожилая женщина. Худая — даже слишком, как будто её сушили на батарее несколько лет, — с острыми плечами и запястьями, одетая в красный свитер с высоким горлом и джинсы, очевидно укороченные самостоятельно, махрящиеся внизу. На носу — толстые очки в роговой оправе, линзы которых были такими мутными и толстыми, что выглядели не просто очками, а бронебойными стёклами. Сквозь них почти невозможно было разглядеть глаз, но Александр заметил, что они были голубыми, живыми и тёплыми.

Ветрякова — а это, несомненно, была она — остановилась в проходной, поправила свитер и посмотрела на Александра поверх своих очков.

— Александр Павлович? — спросила она вопросительно, чуть наклонив голову.

— Да, — ответил Александр. — А вы Маргарита Арсентьевна?

— Да, — сказала она, и на лице её появилась тёплая улыбка. — Здравствуйте.

Она протянула руку — сухую, тёплую, с длинными пальцами. Александр пожал её. Рукопожатие было крепким, но не грубым, каким-то по-матерински уверенным.

— Здравствуйте, — сказал он.

Ветрякова повернулась к охраннику, Никите Владиславовичу, и сказала:

— Спасибо вам, Никита Владиславович. Я его забираю.

Охранник кивнул и расплылся в улыбке.

— Всегда пожалуйста, Маргарита Арсентьевна, — сказал он и уткнулся в газету.

Ветрякова жестом пригласила Александра следовать за ней.

— Пойдёмте, Александр Павлович. Я покажу вам, где мы работаем.

Они вышли из здания, миновали пост охраны, прошли через вестибюль и ступили на улицу. Свежий воздух ударил в лицо. Дождь почти кончился, оставив после себя мокрый асфальт и чистый запах земли. Александр замер — территория института оказалась огромной.

Вдоль дороги, уходящей вдаль, стояли трёхэтажные панельные корпуса — одинаковые, серые, с узкими окнами, словно их проектировал один уставший архитектор. Александр насчитал их не меньше двадцати. Они тянулись по обе стороны дороги, как солдаты в шеренге, готовые к смотру, но явно не готовые к чему-то новому. Между корпусами росли старые тополя, их ветви клонились к земле под тяжестью дождя, и мокрые листья прилипали к асфальту.

Он посмотрел на эти корпуса — облупившиеся, с выцветшими табличками, с решётками на окнах. Руины предыдущей цивилизации, которая позволила ему родиться, и которую он теперь будет изучать. Не как историк, а как микробиолог в одном из этих зданий.

И тут Александр подумал: «Чёрт, а ведь прав был Эдуард Лимонов, когда написал, что СССР — наш древний Рим».

От этой мысли стало даже немного спокойнее.

Александр шёл за Ветряковой, оглядываясь по сторонам, и его не покидало странное чувство. Всё это — серая бесконечная территория, панельные корпуса, мокрые деревья, худощавая женщина в очках, которая уверенно вела его куда-то, — казалось ему частью съёмок какого-то фильма. Может быть, советской драмы, может, постапокалиптической фантастики. Но сценарий ему никто не дал, а роль он получил без проб. Оставалось только импровизировать.

Ветрякова шла впереди, не оборачиваясь, но через несколько шагов начала говорить, как будто читала лекцию для одного слушателя:

— Знаете, Александр Павлович, этот институт строили ещё в семидесятых. Тогда Союз вкладывал деньги в такие вещи — не жалели. Нам выделяли лучшее оборудование, лучших специалистов. Мы были одним из трёх режимных объектов во всём Союзе, где занимались особо опасными возбудителями. Чума, сибирская язва, туляремия — всё это было здесь. Сейчас уже не то, конечно, но дух остался.

Она остановилась и указала на ближайшее здание напротив КПП:

— А это наш корпус. Лаборатория располагается на втором этаже.

Ветрякова приложила к турникету белый пластиковый пропуск — замок щёлкнул, и они вошли внутрь. Поднимаясь на второй этаж по широкой лестнице с железными перилами, Александр заметил, что стены здесь были покрашены странным образом: до уровня глаз шла светло-зелёная масляная краска, выше — белая побелка, которая местами облупилась и свисала тонкими хлопьями.

На втором этаже они остановились перед массивной металлической дверью. В ней не было ни окошка, ни ручки-вертушки — только глухая сталь, выкрашенная серой краской, и кодовый замок с потёртыми цифрами. На двери, чуть выше уровня глаз, висел потёртый жёлтый треугольник с чёрными кольцами — знак биологической опасности. Александр задержал на нём взгляд на мгновение дольше, чем следовало. До этого момента всё происходящее казалось ему если не игрой, то, по крайней мере, чем-то не вполне реальным. Но этот знак, как печать на серьёзном документе, подтверждал: здесь действительно занимаются тем, что может убить, и это не метафора. У него по спине пробежал холодок, и он вдруг острее ощутил вес собственного решения — быть здесь. Может быть, это был страх. А может быть, наоборот — правильное чувство значимости момента.

Ветрякова подошла к двери, быстро нажала несколько цифр на кодовом замке. Замок щёлкнул, и она потянула тяжёлую ручку на себя. Дверь со скрежетом отворилась, пропуская их внутрь.

Маргарита Арсентьевна остановилась, обернулась к нему, ласково посмотрела поверх своих бронебойных очков и сказала:

— Александр Павлович, сейчас нам нужно надеть халат, бахилы и чепчик. А также — распишитесь, пожалуйста, в журнале посещения лаборатории.

Она указала на тумбочку у входа, где лежала стопка белых халатов, рядом стояла коробка с одноразовыми бахилами и такая же коробка с шапочками-чепчиками. А на самой тумбочке лежал потёртый журнал в синей обложке с надписью «Журнал учёта посещений» и ручка на верёвочке, привязанная к столу.

Александр взял ручку, нашёл свободную строчку и записал дату, время, свою фамилию и цель посещения. Потом, чуть помедлив, натянул бахилы, надел халат, который оказался ему великоват, и водрузил на голову чепчик, отчего почувствовал себя хирургом из книги Федора Углова «Сердце хирурга», которую он читал накануне для нужного настроения.

Ветрякова одобительно кивнула:

— Ну вот, теперь вы почти сотрудник. Давайте пройдем в мой кабинет.

Она толкнула следующую дверь, и они вошли в святая святых — в лабораторию коллекции микроорганизмов.

Александр увидел перед собой длинный коридор, метров эдак двадцать. Слева и справа в нём располагались двери, покрашенные белой краской — скорее всего, кабинеты сотрудников. Напротив двери, которую отворила Маргарита Арсентьевна, виднелось окно, выходящее на противоположную сторону института. У окна стояла большая кадка с неизвестным Александру цветком.

Пройдя несколько метров, Маргарита Арсентьевна остановилась у первой двери справа, приоткрыла её и обратилась к Александру:

— Вот это мой кабинет. Проходите, пожалуйста, присаживайтесь.

Александр застенчиво повиновался и сделал несколько шагов внутрь отворившейся двери.

Кабинет Маргариты Арсентьевны оказался просторным — квадратов пятнадцать-восемнадцать, с высокими потолками, метра четыре, не меньше. В таких потолках есть где разгуляться мыслям, и Ветрякова, судя по всему, этим пользовалась. В кабинете стояли два стола друг напротив друга — видимо, для того, чтобы обсуждать научные проблемы лицом к лицу, а не через плечо. Слева притулился компьютерный стол, на котором гордо восседал монитор таких размеров, что его можно было принять за телевизор из девяностых. Сам системный блок гудел где-то внизу, напоминая о том, что прогресс иногда доходит и сюда — правда, с задержкой лет на двадцать.

У стены обнаружилась раковина с зеркалом, в котором можно было увидеть себя со стороны и ужаснуться, и пара шкафов, забитых книгами и научными журналами. На подоконнике теснились несколько цветочных горшков — растения выглядели ухоженными, но слегка удивлёнными тем, что их до сих пор поливают. В углу возвышался большой металлический сейф, на ручке которого, словно орден на груди ветерана, висел кипятильник — верный спутник всех советских учёных.

Александр перевёл взгляд в окно. Вид открывался успокаивающий: лес, а справа — низкое длинное здание с загонем, где паслись лошади.

Весь этот вид и ощущение от увиденного показались Александру удивительно умиротворяющими. Тот ворох тревожных мыслей, что ещё минуту назад клубился у него в голове, куда-то исчез — будто их смыло дождём, который только что кончился. Александр ещё не отдавал себе в этом отчёта, но внутри него разливалось что-то тёплое и спокойное. Он просто почувствовал себя комфортно, и это было так неожиданно, что он не стал задавать себе вопросов — просто позволил себе побыть в этом состоянии.

Через секунду, вспомнив, что он пришёл на знакомство с научным руководителем, Саша обернулся и увидел улыбающееся лицо Маргариты Арсентьевны. Он немного засуетился и переспросил:

— Куда мне можно сесть?

Маргарита Арсентьевна показала на стол, стоящий напротив её стола.

— Да, да, можете сесть сюда. Располагайтесь. Может быть, хотите чаю с дороги? У меня есть к нему отличный башкирский мёд, и есть несколько кусочков сыра. Сейчас я приготовлю.

Она уже взялась за кипятильник, который минуту назад висел на ручке сейфа, и Александр вдруг с удивлением понял, что ему действительно хочется чаю. И мёда. И сыра. И, кажется, даже посидеть в этом странном кабинете с высокими потолками и видом на лошадей.

— Вы не стесняйтесь, Александр Павлович, — сказала она, опуская кипятильник в кружку с водой и включая его в розетку. — У нас тут неофициальная обстановка. Я, знаете, не люблю официальность. Она мешает думать.

Кипятильник загудел, и вода начала нагреваться с той скоростью, с которой обычно нагревается вода в старых институтах — не спеша, с достоинством, как будто у неё был свой график.

Ветрякова тем временем открыла один из шкафов и извлекла оттуда заварник с трещиной, заклеенной синим скотчем, и баночку с мёдом. Мёд был тёмным, густым, с янтарным отливом.

— Мёд у меня башкирский, — сказала она с гордостью. — Настоящий. Сосед привозит из деревни.

— А вот и сыр, — объявила она, извлекая из того же шкафа небольшой кусок сыра «Ламбер», аккуратно завернутый в пергаментную бумагу. — Я его всегда держу на работе для особых случаев. А сегодня, я думаю, случай особый.

Она аккуратно разрежала сыр на небольшие кусочки и положила их на тарелку — фарфоровую, с голубым ободком.

Ветрякова залила кипятком в заварник, подождала минуту, налила Александру в кружку с отбитым краем и поставила перед ним. Рядом легла тарелочка с сыром и маленькая пиала с мёдом.

— Ну, давайте, угощайтесь, — сказала она, садясь напротив и тоже отхлебывая из своей кружки. — Рассказывайте, как вы вообще решили заняться микробиологией? Или, может быть, хотите что-то спросить у меня? Я понимаю, это всё выглядит немного странно, — она обвела рукой кабинет, — но здесь, знаете, есть своя логика. Просто она не сразу видна.

Александр отпил чай — он оказался крепким, чуть горьковатым, и мёд действительно делал его мягче. Он взял кусочек сыра «Ламбер» и попробовал. Сыр оказался плотным, с лёгкой остринкой и ореховым привкусом.

— Ну, — начал он, чувствуя, что язык начинает развязываться сам собой, — я из Тольятти. Учился на ветеринара в Казани. Сначала хотел лечить животных, а потом понял, что инфекции — это интереснее. Они не кусаются, не гадят на ковёр и не требуют выгула.

Ветрякова живо и громко засмеялась, откинувшись на спинку стула. Её смех разнёсся по кабинету, отражаясь от высоких потолков, и Александр на мгновение почувствовал себя почти как дома.

— Отличный аргумент, — сказала она, вытирая выступившие от смеха слёзы. — А знаете, в моём возрасте я уже перестала удивляться тому, как люди приходят в науку. Одни — из любопытства, другие — чтобы спрятаться от мира, третьи — чтобы доказать что-то себе. А вы, Александр Павлович, для чего?

Александр задумался. Вопрос был неожиданным, но не навязчивым. Он почувствовал, что может ответить честно.

— Понимаете, Маргарита Арсентьевна, если честно, то изначально я пошёл в аспирантуру не потому, что сам так хотел. С детства родители говорили: «Закончишь вуз — обязательно поступай в аспирантуру, защищай диссертацию. Это надёжно, это статус». И я послушался. Собственно, поэтому и пошёл. Но потом, когда учился на последнем курсе, писал дипломную работу — сравнивал два метода лечения пироплазмоза собак. И там я впервые по-настоящему столкнулся с научной работой. Взятие и постановка анализов, интерпретация результатов, написание самого диплома и научной статьи — меня это очень увлекло. Оказалось, что это совсем не похоже на конвейерное лечение в ветеринарной клинике. Там всё по схеме, а здесь — неизвестность, которую нужно исследовать. И это затягивает. Так что к родительским наставлениям добавился ещё и самостоятельный интерес.

Ветрякова слушала, не перебивая, и, когда он закончил, одобрительно кивнула.

— Я рада, что вы решили прийти не просто из-за родителей, а сами чувствуете эту потребность.

Александр помолчал, потом посмотрел на неё поверх кружки и решился.

— Маргарита Арсентьевна, а можно мне вас спросить?

— Да, да, конечно, Александр Павлович, спрашивайте.

— А почему вы называете меня по имени-отчеству? — сказал он. — Я всё-таки гораздо младше вас и чувствую себя немного некомфортно, когда вы так ко мне обращаетесь. Можете звать меня просто Саша.

Ветрякова улыбнулась и сняла очки. Она протёрла стёкла краем свитера, потом посмотрела на Александра уже без очков — вблизи её глаза казались ещё более живыми и голубыми.

— Понимаете, Александр Павлович, — сказала она, — это у меня такая привычка. Очень давно, когда я была ещё молодой, я поехала на конференцию. Совсем глупая была, полная энтузиазма. Подхожу к одному очень видному учёному, протягиваю ему руку и говорю: «Здравствуйте, я Рита». А он посмотрел на меня поверх очков и говорит: «Что это ещё за Рита такая? Вы кто? Как ваше имя и отчество? Так и представляйтесь!» Я тогда чуть не провалилась сквозь землю, — она рассмеялась. — Но запомнила на всю жизнь. С тех пор я всех называю по имени-отчеству. И вас тоже. Так что вы уж простите, но я не могу называть вас просто Саша. Это уже привычка.

Она снова надела очки и отпила чай.

— Надеюсь, вы не обидитесь.

Александр улыбнулся и покачал головой:

— Нет, что вы. Теперь я понимаю.

Она поставила кружку на стол и посмотрела на него поверх очков — уже деловым, но всё ещё тёплым взглядом.

— Ну что, Александр Павлович, я предлагаю вам поговорить о том, чем нам предстоит с вами заниматься.

Глава 2. Чистая зона

— Ну что, Александр Павлович, я предлагаю вам поговорить о том, чем нам предстоит с вами заниматься.

Ветрякова отодвинула кружку, поправила очки и сложила руки на столе. Саша заметил, что она сразу стала серьёзнее — не холодной, а деловой. Как будто включила другую передачу.

— Знаете, Александр Павлович, — начала она, — это сибирская язва.

Саша почувствовал, как внутри что-то ёкнуло. Не от страха — от того, что вот оно, настоящее.

— Но прежде чем мы перейдём к деталям, я должна рассказать вам одну историю, — сказала Ветрякова, откидываясь на спинку стула. — Я уже упоминала, что наш институт был одним из трёх режимных объектов Советского Союза, которые работали с особо опасными

возбудителями. Так вот, в одном из этих институтов произошла авария. Утечка биологического материала с выходом во внешнюю среду. Чрезвычайное происшествие, которое, слава богу, было устранено. Но после этого всю коллекцию микроорганизмов — все штаммы — перевезли к нам.

Она сделала паузу, поправила очки.

— На тот момент переданные штаммы ещё не были изучены. И мы потихоньку, в меру своих сил и возможностей, изучаем их до сих пор. Так как у меня есть допуск к информации обо всех штаммах, хранящихся в коллекции, я нашла там некоторые экземпляры, которые представляют интерес. Например, есть африканский штамм возбудителя сибирской язвы. Его привезли в 1985 году. Как написано в документах, этот штамм представляет особый интерес. Нам нужно будет изучить его свойства. Если всё сложится удачно, мы попробуем разработать на его основе новую вакцину против сибирской язвы.

Она замолчала и посмотрела на Сашу поверх очков.

— Вот чем мы с вами и займёмся.

Саша молчал. В голове всё смешалось: секретность, опасность, ответственность, авария, африканский штамм, новая вакцина. И вдруг он поймал себя на мысли, что ситуация оказалась несколько комичной. Ещё полчаса назад он ехал в переполненном людьми автобусе с водителем-гонщиком, который не хотел останавливаться на нужной остановке. Бытовое происшествие, бытовой абсурд. А теперь — секретные штаммы, режимный институт, биологические аварии с выходом во внешнюю среду. Немыслимый контраст. Сложно было поверить, что всё это происходит с ним. «Кто-то действительно снимает какой-то фильм, — подумал он. — Только я опять без сценария». Если бы тот водитель-гонщик знал, кого он вёз, — он бы, наверное, потребовал доплату за риск. И тут он задумался: а какая роль отведена ему в этом кино? Главный герой, который должен всех спасти? Или статист, который попал в кадр случайно и теперь вынужден играть, чтобы не испортить дубль? А может, он вообще зритель, которому дали билет в первый ряд и забыли сказать, что это не кино, а его собственная жизнь. От этой мысли стало и смешно, и немного жутко.

Видимо, по выражению лица Саши Маргарита Арсентьевна поняла, что уже достаточно загрузила его новой ошарашивающей информацией. Она перестала пить чай, живо встала из-за стола и сказала:

— Ну что, Александр Павлович, давайте-ка я покажу вам нашу лабораторию. А то мы с вами уже полдня чаи гоняем, а вы до сих пор не видели, где вам предстоит работать.

Она улыбнулась и жестом показала на дверь.

— Пойдёмте, воздух переменим. А то у меня в кабинете иногда слишком много мыслей на квадратный метр.

Саша усмехнулся и поднялся. Он заметил, что Ветрякова сказала это с лёгкой насмешкой над самой собой, и это сняло остатки напряжения.

— С удовольствием, — сказал он.

Она вышла из-за стола и направилась к двери. Саша пошёл за ней.

Они прошли по длинному коридору мимо белых дверей, за которыми угадывались комнаты и кабинеты. Ветрякова шла уверенно, не глядя по сторонам. Остановилась у одной из дверей, толкнула её — и они вошли в просторное помещение.

— Это чистая зона, — сказала она. — Здесь мы готовим среды, буферы, реактивы. Здесь вы будете работать с теми материалами, которые не опасны.

Саша огляделся. Вдоль стен стояли стеллажи с банками и бутылками, на столе — чистая посуда, весы, журналы. В углу гудел дистиллятор, гоня воду в большие стеклянные бутылки.

— Вся чистая зона у нас построена буквой «Г», — сказала она, обводя пространство рукой. — Сейчас мы стоим в верхней части. Здесь располагаются стерилизационная, моечная, туалеты, и вон там, в углу, — она показала на массивный аппарат, — наш дистиллятор. А в

конце этого коридора, — она указала вперёд, — будет ваш кабинет. Небольшой, но отдельный. Там будете работать с документами, оформлять результаты.

— А нижняя часть буквы «Г», — продолжала она, — это коридор, где расположены кабинеты сотрудников, комната отдыха и раздевалка. Мы там уже были.

Саша кивнул. Теперь он начал понимать, как устроено это место.

— А в самом конце верхней части, — сказала она, и голос её стал чуть серьёзнее, — вон та белая деревянная дверь. За ней начинается коридор, который ведёт в заразную зону.

Она замолчала на секунду.

— Туда мы пока не заходим. Но когда начнём работать со штаммом — вы узнаете, что там.

Она закрыла дверь и улыбнулась:

— Но сначала — познакомлю вас с коллективом, — сказала она и, помедлив, добавила с лёгкой усмешкой: — Они, скорее всего, как всегда сидят в комнате отдыха.

— Как всегда? — переспросил Саша, почувствовав, что в этой фразе скрыто больше, чем она говорит.

Ветрякова слегка смущённо улыбнулась и повела плечом, словно стряхивая с себя неловкость.

— Ну... да. Пойдёмте, я покажу вам.

Они прошли по коридору и зашли в небольшую комнату с деревянным столом, накрытым клеенкой, и старыми стульями. Саша сразу понял, что это комната отдыха — здесь пахло выдохшимся воздухом, старым чаем и спокойствием, не знающим, как еще себя развлечь.

За столом сидели двое — пожилой мужчина и женщина с круглой головой.

— Султан Нариманович, — представила Ветрякова, показывая на старика. — Наш главный специалист по сибирской язве. Он здесь с самого основания института.

Султан Нариманович сидел на диване, положив руки на колени. Лицо у него было всё в глубоких морщинах и складках — оно напоминало грецкий орех. Глаза хитрые, лукавые, на губах играла усмешка. Он смотрел на Сашу так, будто видел его уже много раз. Лет ему было далеко за восемьдесят, но в голосе чувствовалась былая бойкость. От старика исходил сладковатый, чуть терпкий запах — и Саша невольно подумал, что в прошлом этот человек явно знал толк в более крепких напитках, чем чай.

— Привет, привет, — сказал он, не вставая. — Откуда приехал-то?

— Из Тольятти, — ответил Саша.

— О! — Султан Нариманович оживился, хитро прищурился и расплылся в улыбке. — Ну тогда будем звать тебя Жигуль!

И рассмеялся — громко, с хрипотцой, так, что закашлялся. Саша растерянно улыбнулся, не зная, обижаться или смеяться вместе. Круглоголовая женщина тоже засмеялась, прикрывая рот ладонью. Было похоже, что у нее отсутствуют передние зубы. Ветрякова только покачала головой, но без осуждения.

— Не обращайтесь внимания, Александр Павлович, — сказала она. — Он всем придумывает прозвища. Вы ещё легко отделались.

— Ты не обижайся, Жигуль, — Султан Нариманович подмигнул. — Это я по-доброму. У нас тут все клички имеют. Вот Эльмира у меня — Лягушка, потому что в детстве прыгала много. А Светлану мы зовём Ласточкой — потому что всегда прилетает и улетает.

— Султан Нариманович, — сказала Ветрякова, — вы бы хоть познакомились сначала, а потом уже клички раздавали.

— Да мы уже познакомились! — он махнул рукой. — Жигуль, значит, из Тольятти. Всё, знакомство состоялось.

Но Саша заметил, что в голосе Султана Наримановича прозвучала странная нотка. Не злость, но скрытая настороженность, которую старик не пытался скрыть. Он посмотрел на Сашу с прищуром, и лицо его стало чуть жёстче.

— Сибирская язва — это моя тема, — сказал он, помедлив. — Я ей сорок лет занимаюсь. Сорок! — он поднял палец.

— Султан Нариманович, — мягко остановила его Ветрякова. — Александр Павлович пришёл не заменять вас, а помогать.

Старик хмыкнул, отвёл взгляд и уткнулся в газету. Саша заметил, как напряглись его плечи, как он сжал газету чуть крепче, чем следовало.

Круглоголовая женщина, до этого молча сидевшая рядом, подняла голову и посмотрела на Сашу с неприкрытой настороженностью. Её глаза стали холодными.

— Маргарита Арсентьевна, — сказала она, обращаясь к Ветряковой, но глядя на Сашу, — а вы уверены, что нам нужен ещё один сотрудник на сибирскую язву?

— Эльмира Султановна, — ровно ответила Ветрякова, — работа есть, и я решила, что Александр Павлович сможет помочь.

Эльмира Султановна переглянулась с отцом, Султаном Наримановичем, и в этом взгляде было что-то, что не предвещало ничего хорошего.

Саша стоял, чувствуя себя неловко. Он понял, что пересёк невидимую границу, и за этим последует что-то ещё.

— А это Эльмира Султановна, его дочь, — продолжала Ветрякова, стараясь сгладить неловкость. — Наш специалист по ботулизму.

Эльмира Султановна поднялась, улыбнулась и протянула руку — мягкую, полную, почти все пальцы которой были обвешаны золотыми кольцами. Они тускло поблескивали в свете лампы, и Саша невольно задержал на них взгляд, но быстро перевёл его обратно на лицо. У неё была круглая голова, плавно переходящая в грудь, и очень живое лицо, но теперь Саша видел в нём скрытое напряжение.

— Очень приятно, — сказала она с официальной вежливостью. — Значит, будете штаммом заниматься?

— Будет, — ответила за Сашу Ветрякова.

— Ну-ну, — Эльмира Султановна вернулась на своё место.

Ветрякова чуть заметно улыбнулась и повернулась к Саше:

— Пойдёмте, познакомлю вас с нашей правой рукой.

Они вышли из комнаты отдыха. Саша мельком обернулся и заметил, что Султан Нариманович уже развернул газету, а Эльмира Султановна сидела с каменным лицом и смотрела им вслед.

— Не обращайтесь внимания, — тихо сказала Ветрякова в коридоре. — Султан Нариманович — хороший человек, но он очень ревностно относится к своей теме. Эльмира Султановна ому, что появился кто-то новый.

— И что мне делать? — спросил Саша.

— Работать, — просто ответила Ветрякова. — Показывать результат. Они увидят, что вы не угроза, а помощь. Или не увидят. Но это их проблема, не ваша.

В соседней комнате за столом сидела женщина. Она подняла голову, когда они вошли, и Саша сразу увидел её улыбку — светлую, добрую, открытую. Ей было около сорока, и её лицо излучало спокойствие. У неё был добрый взгляд, в котором не было ни усталости, ни хитрости — только тепло. Она улыбалась так часто и так искренне, что Саша невольно подумал: «Откуда в этом месте может быть столько света?» От неё исходило ощущение какой-то наивной невинности, будто она всю жизнь прожила в теплице, где не бывает ветра, и теперь вышла в большой мир, но так и не научилась хмуриться.

— Светлана Владимировна, — сказала Ветрякова. — Ведущий научный сотрудник. Она у нас занимается сапом. Работает в лаборатории всю сознательную жизнь. Моя опора и надёжный человек.

Светлана Владимировна встала, протянула руку — сухую, тёплую — и сказала:

— Здравствуйте, Александр Павлович. Рада вас видеть.

— Я тоже рад, — ответил Саша.

— Светлана Владимировна помогает мне с сапом и другими вопросами, — добавила Ветрякова. — Она делает всё, что я поручаю. Если у вас возникнут вопросы — смело обращайтесь к ней, она подскажет.

Саша кивнул. Ему показалось, что Светлана Владимировна — единственный человек в этой лаборатории, который действительно работает, не считая самой Ветряковой. Её улыбка не была дежурной — она была частью её самой. И в этом мире, где Султан Нариманович сидит с газетой и делает вид, что работает, а Эльмира Султановна с каменным лицом защищает отцовскую территорию, такая улыбка казалась чем-то почти нереальным.

— А где остальные? — спросил он.

Ветрякова взглянула на часы:

— Лаборантки на месте, они сейчас в «Заразной» зоне. Препаратор из вивария — вы её не видели, она обычно хмурая, но добрая. Познакомитесь позже. Она работает с животными.

— А третьего сотрудника вы ещё не видели, — добавила она с лёгкой усмешкой, — но это и к лучшему. Она вернётся через полгода. Сейчас в декрете. Екатерина Борисовна.

Когда они вышли из комнаты и направились к выходу, Саша обратил внимание на двери кабинетов. На одной из них висела позолоченная табличка — крупная, блестящая, с выгравированными буквами:

Ситдигов Султан Нариманович

Доктор ветеринарных наук, профессор

Главный научный сотрудник

Саша задержал взгляд. Табличка выглядела дорогой. Настоящей. И немного нелепой.

Через несколько шагов — ещё одна. Такая же блестящая, такая же позолоченная:

Мифтахова Эльмира Султановна

Кандидат биологических наук

Ведущий научный сотрудник

Саша посмотрел на следующую дверь. Таблички не было. Вообще. Ни позолоченной, ни даже пластиковой. Просто серая дверь с номером.

— А у вас нет таблички? — спросил он у Маргариты Арсентьевны.

— Мой кабинет? — переспросила Ветрякова, проследив за его взглядом. — Табличку не вешаю. Не люблю.

Они прошли ещё несколько шагов. Дверь Светлана Владимировна тоже была без таблички.

— У нас тут смешно получается, — заметила Ветрякова с лёгкой усмешкой, — таблички только у тех, кто пишет рабочие журналы по два часа, а не у тех, кто реально работает.

Саша хмыкнул. Всё в этом институте было не так, как казалось снаружи. Он снова взглянул на комнату отдыха — она была всё так же приоткрыта, и внутри, на диване, с газетой, сидел Султан Нариманович. Рядом с ним Эльмира Султановна писала что-то в рабочем журнале — неспешно, без напряжения, скорее по привычке. Они даже не подняли головы, когда он проходил мимо. Саша перевёл взгляд на дверь, за которой осталась Светлана Владимировна. Оттуда

доносился звон посуды и шаги. Она работала. А эти двое — сидели в комнате отдыха. И судя по тому, как они устроились, это было их обычным состоянием.

Он ничего не сказал, но Ветрякова, заметив его взгляд, коротко улыбнулась.

— Да, — сказала она почти шёпотом. — Так и живём. Кто работает — тот работает. Кто отдыхает — тот отдыхает. У каждого свой метод.

Саша не нашёл, что ответить. Он просто кивнул и пошёл дальше.

Ветрякова проводила его до выхода. По дороге она дала наставления: завтра в восемь утра, с собой захватить документы и светлую голову.

Они вышли из лабораторного корпуса и направились к КПП. День клонился к вечеру, солнце садилось за корпуса. Ветрякова остановилась у выхода, улыбнулась и сказала:

— Александр Павлович, до завтра. Выглядите отдохнувшим и готовым. Это хорошо.

Саша усмехнулся и кивнул:

— Спасибо, Маргарита Арсентьевна.

Он вышел за ворота института и остановился. Дождь кончился. Небо расчищалось, закат окрашивал тучи в тёплые цвета. Саша посмотрел на корпуса, которые начинали казаться менее серыми. И вдруг поймал себя на мысли, что за эти несколько часов почти забыл, как выглядит настоящий мир. Здесь, за колючей проволокой, всё было по-другому — воздух, звуки, даже время. Как будто он пересёк невидимую границу, за которой осталась обычная жизнь. Он увидел людей на остановке, женщину с коляской, мужчину с пакетом продуктов, подростка с наушниками — простых, обычных людей, которые живут своей жизнью и не знают ни про какие секретные штампы. И это зрелище показалось ему почти чужим. Он ощутил себя стоящим на подвесном мосту между двумя мирами: миром обычных людей — серым, скучным, будничным — и миром научной работы в этом немного странном институте, связанном с биологическими опасностями государственного значения.

Он постоял так с минуту, переваривая эту мысль. Ветер донёс запах мокрого асфальта и листвы, и это было так обычно, так по-человечески привычно, что Саша почувствовал, как напряжение начинает отпускать. Придя в себя, он глубоко вздохнул и подумал, что завтра будет первый настоящий день. Не знакомство, а работа.

«Первый съёмочный день, — усмехнулся он про себя, — прошёл, конечно, не без сучков и препятствий. Но в целом — неплохо. По крайней мере, меня не выгнали со съёмочной площадки».

Он пошёл к автобусу.

Глава 3. Между делом

Общежитие, в котором проживал Саша, располагалось на Сибирском тракте — старинной дороге, которую основал Василий Татищев. Тот самый Татищев, который основал и родной город Саши. По этой дороге когда-то везли товары, гнали скот, шли обозы и каторжники. Теперь это была обычная городская улица, застроенная панельными домами и обсаженная тополями, но название осталось — как напоминание о временах, когда дорога была главной артерией, соединяющей две части страны. И теперь Саша, приехавший из города, основанного Татищевым, жил на дороге, которую тот же человек проложил. Какая-то странная связь времён — один человек, два города, и теперь он на дороге, которая их соединяет.

Само здание было старой советской постройки — пять этажей, облупившаяся штукатурка, узкие окна. Сашина комнатка располагалась на первом этаже, и окно выходило на торцевую сторону здания, откуда открывался вид на забор и голые ветки тополей. В его крыле было ещё десяток комнат и общий туалет для мальчиков и девочек — вещь, которая сначала казалась неудобной, но потом стала привычной.

В этом же крыле жила комендантша. Она специально поселила Сашу рядом с собой, потому что он был воспитанным, любил чистоту и тишину. «Я сразу поняла, что вы хороший

молодой человек», — сказала она при заселении. Саша тогда подумал, что это странный комплимент, но возражать не стал.

Когда он заходил в общежитие, комендантша как раз выходила из своей комнаты — невысокая, полноватая женщина лет шестидесяти, с добрым лицом и вечно влажной тряпкой в руках. Она протёрла подоконник, хотя на нём не было пыли, и улыбнулась Саше.

— Ну что, Александр, — сказала она, — как первый день? Не пожалел, что поступил?

Саша улыбнулся в ответ.

— Пока нет, Валентина Петровна. День был насыщенный.

— Это хорошо, — сказала она, кивая. — Насыщенный — значит, не зря. А ты если что — стучись. Помогу чем смогу.

— Спасибо, — сказал Саша и пошёл в свою комнату.

Комната была маленькой, но уютной. Слева от входа располагалась прихожая — там он оставлял обувь и вешал верхнюю одежду. Справа, напротив прихожей, стоял маленький холодильник — по пояс высотой, старый, с облупившейся эмалью. Рядом с ним — кухонный стол, на котором всегда находилась какая-нибудь кухонная утварь: чайник, кружки, тарелки.

В глубине комнаты стоял раскладной диван. Справа от него — два стола, сдвинутых вместе, на которых стоял компьютер, лежали бумаги и книги. И этих книг было много — они лежали на полках и стояли на стеллаже. Саша любил книги с детства. Его бабушка работала в школьной библиотеке, и он часто приходил к ней на переменах и после уроков. Он бродил между книжными стеллажами, трогал корешки, вдыхал запах старой бумаги.

Однажды они шли вдоль стеллажей, и Саша, тогда ещё совсем маленький, запрокинул голову и сказал:

— Бабуль, они такие высокие. Как будто до неба.

Бабушка остановилась, посмотрела на стеллажи, потом на него и ответила серьёзно, но с улыбкой:

— Представляешь, в Российской империи был император Пётр I Великий. Он был ростом как вот эти стеллажи.

Саша тогда представил человека, который достаёт до верха книжных полок, и подумал: «Какой же он, наверное, был высокий». С тех пор он часто вспоминал этот момент — как бабушка, стоя между стеллажами, говорила о царе, который был ростом с эти стеллажи, и он чувствовал себя частью чего-то большого и древнего.

Особенно он любил те дни, когда оставался у неё на перемене. Они садились за маленький стол в углу библиотеки, бабушка заваривала чай, доставала из шкафчика овсяное печенье и конфеты «Птичье молоко». Наверное, эти конфеты уже не делали такими, как раньше, но бабушка всегда их покупала, потому что знала, что Саша их любит. Они пили чай, и Саша рассказывал, что было в школе, а бабушка слушала и кивала. Иногда она переспрашивала: «И что ты ему ответил?» — «А потом что?» — и это были лучшие разговоры в его жизни. Потом они снова шли между стеллажами, и Саша смотрел на книги, и ему казалось, что они шепчут ему что-то важное.

И теперь, сидя в своей комнате, он смотрел на корешки и чувствовал, что бабушка всё ещё рядом, хотя её уже давно не было.

Саша достал телефон и набрал мамин номер. Долгие гудки, потом механический голос: «Абонент недоступен. перезвоните позже». Он нахмурился, попробовал ещё раз — то же самое.

Тогда он набрал отца. Но там тоже долго не брали трубку. Саша представил, как отец где-то в цеху, в шуме станков, не слышит звонка — на заводе у него была вторая смена.

Он снова набрал мамин номер. На этот раз после нескольких гудков трубку взяли. Но вместо голоса Саша услышал какой-то шорох, потом скрип, потом скрежет — такой пронзительный, что уши резануло. Он отвлёк телефон от уха на секунду, потом снова поднёс.

— Алло? — раздался наконец голос мамы.

— Мам, — сказал Саша, — что там происходит? Почему не берёшь трубку? И что за скрежет?

— Саша! — голос мамы звучал радостно, как будто она не ожидала его услышать, хотя сама взяла трубку. — Я просто телефон в карман плаща положила. А плащ в прихожей висит. Я его не слышала. Только что пошла за чем-то, а тут слышу — телефон звонит. Я взяла трубку, но теперь забыла, зачем шла.

После чего послышался какой-то плеск и шуршание где-то далеко в квартире, где по телефону разговаривала мама. Потом мама крикнула: «Ой!» — и слышно было, как она куда-то побежала. Видимо, на кухню, потому что в трубке послышался звон кастрюль. Оказалось, что у мамы убежало какао, которое она поставила на вечер.

— Ну вот, — сказала мама, вернувшись к телефону, уже запыхавшись, но с лёгкой улыбкой в голосе, — а теперь вспомнила, за чем шла.

Саша представил эту картину: мама стоит посреди кухни с трубкой, какао на плите уже успокоилось, а она наконец вспомнила, что хотела сделать.

— Ну ты даёшь, — сказал он и улыбнулся.

— Ладно, рассказывай, как первый день. Не пожалел, что поступил?

— Всё нормально. Я сегодня был в институте. Познакомился с руководителем.

— Ну и как она? — в голосе мамы звучала лёгкая тревога, но в нём было и любопытство.

— Хорошая, — сказал Саша и улыбнулся, вспоминая Ветрякову. — Добрая, немного старомодная. Называет всех по имени-отчеству. Даже меня — Александр Павлович.

Мама засмеялась.

— Ну, это правильно. Уважение к людям.

— Да, — сказал Саша. — И ещё она показала мне лабораторию. Познакомила с коллективом. Забавные люди, в общем. Один старик, Султан Нариманович, сразу дал мне прозвище «Жигуль», потому что я из Тольятти. А его дочь, Эльмира, смотрела на меня так, будто я пришёл отнимать у них работу.

— Ну и что ты им сделал? — спросила мама, и в голосе снова появилась лёгкая тревога.

— Ничего, — ответил Саша. — Просто слушал и смотрел.

— Это нормально, — сказала мама. — Везде свои люди. Главное — чтобы ты не боялся.

Они поговорили ещё о мелочах: о погоде, о том, что Саша ел на ужин, о том, что завтра рано вставать. Саша почувствовал, как от этих простых, обычных разговоров становится спокойнее. Голос мамы звучал ровно и привычно, и это возвращало его к чему-то настоящему, простому, что было у него всегда.

— Ну всё, мам, — сказал он наконец. — Завтра рано вставать. Я позвоню.

— Хорошо, — сказала мама. — До связи!

Саша положил трубку и постоял ещё несколько секунд, глядя на телефон. Потом сунул телефон в карман и сел на диван.

Он задумался. Вспомнил, каким представлял себе научно-исследовательский институт ещё до поступления в аспирантуру. В его воображении это было место, где всё дышит наукой: современное оборудование, молодые и энергичные сотрудники, чистые лаборатории, высокие потолки, пахнущие свежим ремонтом и открытиями. А то, что он увидел сегодня, — старые бетонные стены, облупившаяся краска, коридоры, напоминающие лабиринты, и сотрудники, которые, казалось, уже давно живут не на зарплату, а на воспоминания о лучших временах. Даже Ветрякова, при всей своей доброте и мудрости, была из тех, кто мог бы быть его бабушкой. И Султан Нариманович с Эльмирой Султановной, сидящие в комнате отдыха, тоже не добавляли уверенности. Всё это оставляло странное послевкусие запущенности, будто он попал не в институт, а в музей, где экспонаты ещё двигаются, но уже не живут.

Саша не был уверен, что впишется в это пространство. Он не был уверен, что сможет там провести исследование и написать диссертацию. По этому поводу в нём зародилась тревога — тихая, но настойчивая. Он смотрел на книги, на стеллажи, но думал о том, что завтра ему предстоит войти в этот мир и попытаться найти в нём место. И он не знал, как к этому подступиться.

Он закрыл глаза и попытался представить себя в лаборатории, но вместо этого увидел коридор, по которому они шли с Ветряковой, и комнату отдыха, где сидели Султан и Эльмира. Картина не складывалась. Тогда он открыл глаза, взял с полки книгу и начал читать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.